

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

УДК 372.881.161.1-1:371.8. DOI 10.51762/1FK-2021-26-02-18.
ББК Ч426.839(=411.2)-275. ГРНТИ 14.25.07. Код ВАК 13.00.02

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В ОЛИМПИАДНЫХ ЗАДАНИЯХ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Кучина Т. Г.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к целостному анализу поэтических текстов XXI в. на олимпиадах по литературе. Основная цель этого вида работы для старшеклассников – предложить собственное понимание произведения через рассмотрение его как целостного единства элементов и анализ тех особенностей художественной структуры, которые наиболее существенны для убедительного и обоснованного выражения этого понимания. Внимание уделено прежде всего следующим вопросам: какие знания, навыки, компетенции проверяются заданиями по современной поэзии? Какие черты поэтики современной литературы требуют к себе особого внимания и как учить старшеклассников грамотно выстраивать анализ? Чем «олимпиадная» поэзия может быть интересна современному школьнику? На примере стихотворений Полины Барсковой, Алексея Цветкова и Владимира Гандельсмана показаны возможные пути анализа текстов, сформировавшиеся в практической работе – прежде всего при проведении занятий со старшеклассниками на литературно-олимпиадных сменах в образовательном центре «Сириус» (г. Сочи). На материале стихотворения П. Барсковой «Счастье» (2001), которое входило в задания заключительного этапа олимпиады по литературе 2019 года, показаны приемы работы с подтекстом / интертекстом и субъектной структурой. Соотношение предметного и символического планов, эмпирически «правдоподобного» сюжета и библейского подтекста – в центре внимания при рассмотрении стихотворения А. Цветкова «Опыт конца света» (2019). Стихотворение В. Гандельсмана «С утра, чуть рассвело, я у подножья...» (2018) предлагалось школьникам на пробном аналитическом туре в «Сириусе»; в статье приведены фрагменты из работ старшеклассников, показывающие, как было понято и интерпретировано произведение.

Ключевые слова: русская поэзия; поэтические тексты; олимпиады по литературе; школьные олимпиады; старшеклассники; целостный анализ текста; олимпиадные задания.

Для цитирования: Кучина, Т. Г. Современная русская поэзия в олимпиадных заданиях по литературе / Т. Г. Кучина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 212–220. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-18.

MODERN RUSSIAN POETRY IN OLYMPIAD ASSIGNMENTS IN LITERATURE

Tatiana G. Kuchina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Abstract. The article discusses approaches to a holistic analysis of poetic texts of the 21st century at Literature Olympiads. The main aim of this academic activity of senior schoolchildren is to teach them to demonstrate their own understanding of a poem through considering it as an integral unity of elements and analyzing the most essential features of its artistic structure. The author answers the following questions: what knowledge, skills, competences are tested by assignments on contemporary poetry? What poetics features of modern literature require special attention and how to teach senior schoolchildren to carry out analysis correctly? How can “Olympiad” poetry be of interest to a modern secondary schooler? On the material of the poems by Polina Barskova, Alexei Tsvetkov and Vladimir Gandel'sman the article shows possible ways of text analysis that have formed in practical work – primarily in the Sirius educational center (Sochi). The author uses P. Barskova's poem “Happiness” (2001), included in the tasks of the final stage of the 2019 Literature Olympiad, to show the methods of work with subtext / intertext and subject structure. The relationship between the object-based and symbolic plans, of the empirically “true-to-life” plot and the biblical subtext are in the focus of attention during the analysis of A. Tsvetkov's poem “The experience of the end of the world” (2019). V. Gandel'sman's poem “In the morning, right after dawn, I am at the foot...” (2018) was offered to students at a trial competition in “Sirius”. The article contains excerpts from the works of secondary school students, showing how they interpreted the poem.

Key words: Russian poetry; poetic texts; Olympiads in literature; school Olympiads; senior schoolchildren; comprehensive text analysis, Olympiad tasks.

For citation: Kuchina, T. G. (2021). Modern Russian Poetry in Olympiad Assignments in Literature. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 212–220. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-18.

На протяжении последних 5–6 лет центральная предметно-методическая комиссия всероссийской олимпиады школьников по литературе регулярно предлагает для целостного анализа текста (на региональном и заключительном этапах) произведения современных поэтов. В частности, для широкого круга «продвинутых» читателей на региональном этапе, в котором принимают участие около 10500–11000 старшеклассников, мы предлагали стихотворения Новеллы Матвеевой («Поступь света»), Бориса Рыжего («Трубач и осень»), Инны Лишнянской («Под переплетом»), Максима Амелина («Мне в Петербурге холодно – прости...»), Веры Полозковой («Гроза пришла, и город опустел...»). Самые сильные участники – на заключительном этапе – выполняли целостный анализ стихотворений Алексея Цветкова («Элегия о плюшевом медведе»), Ивана Жданова («Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий...»), Полины Барсковой («Счастье»), Виктора Кривулина («Флейта времени»). Подчеркнем: на олимпиаде у школьников всегда есть выбор между анализом прозаического и поэтического текстов – но именно за последние годы отчетливо заметен рост интереса к лирическим произведени-

ям и – главное – высокий уровень аналитической работы старшеклассников с ними. В нашем небольшом исследовании мы сосредоточимся на нескольких вопросах: что позволяют проверить задания по современной поэзии – какие знания, навыки, компетенции? Какие черты поэтики современной литературы требуют к себе особого внимания и как учить старшеклассников грамотно выстраивать анализ? Чем «олимпиадная» поэзия может быть интересна современному школьнику?

Подбор стихотворений для целостного анализа на олимпиаде определяется множеством факторов: нетривиальность содержания, смысловая многослойность, соотнесенность с литературной традицией (и возможность в процессе анализа прочитать произведение в определенном жанровом, проблемно-тематическом, мотивном, ритмико-интонационном контексте), выятно проявленная индивидуальность авторской картины мира. Как правило, хорошо подготовленные школьники видят и ближайший контекст – той литературной группы, к которой принадлежит поэт, или творчества того автора, произведение которого предложено для анализа¹.

¹ Так, в работах 11-классников на заключительном этапе олимпиады по литературе стихи Ивана Жданова встраивались в контекст поэзии метареалистов (метаметафористов), а стихотворение Виктора Кривулина вполне уместно сопоставлялось с произведениями других ленинградских авторов, в частности, Елены Шварц.

Важный аспект понимания современной поэзии – умение видеть особенности субъектной структуры текста. Во многих названных выше стихотворениях нет напрямую представленного лирического героя: «я» может мелькнуть в единственной строке, как у Полины Барсковой, да и то в апофатической конструкции: «Но я не доктор Борменталь / И даже не Мария Шелли» [Барскова 2001: 90]; может оказаться заменено на «мы», как в стихотворении Ивана Жданова «Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий...»; стихотворение может и вовсе обойтись без местоимений первого лица, как «Флейта времени» Виктора Кривулина. Дистанция между субъектом лирического высказывания и изображаемым миром постоянно меняется, позиция говорящего либо не локализуется в пространстве и времени (оказывается подвижной, «плывет»), либо по мере развертывания лирического сюжета смещается – и лишается определенности. Верное понимание этих особенностей субъектной структуры современной лирики (или хотя бы умение вовремя обратить на них внимание и учесть в интерпретации текста) во многом определяет успех выполнения олимпиадного задания в целом.

Чтобы целостный анализ стихотворения был разносторонним и литературоведчески убедительным, школьнику нужно научиться «видеть» произведение в культуре – в контексте лирики XIX–XX вв., в переплетении мифологических и исторических явлений, среди других видов искусства – живописи, скульптуры, архитектуры, музыки. Новейшая лирика – с ее выраженной, если не сказать демонстративной, акцентированной интертекстуальностью – как раз в полной мере позволяет проверить знание («узнавание») текстов-предшественников, владение поэтическим материалом, который воспринимается как литературная классика.

Рассмотрим на примере одного из предлагавшихся на олимпиаде по литературе стихотворений принципы работы с интертекстом.

Полина Барскова

Счастье

Душа хотела б быть горшком,
Вернее тем, что станет скоро
Горшком, – полешком, кочешком

Кроваво-бурой глины. Свора
Взбешённых пальцев глину – хватать!
И – раз! на колесо, на дыбу,
И начинает рвать и мять
Неподдающуюся глыбу.
Но, сжалившись или смекнув,
Что пряник действительней, чем кнут,
Подносит к гордой глине губку.
Сочится мутная вода,
И глина поддается: «Да...» –
В ладони, словно в мясорубку,
Вползая. Чавкает педаль,
Глаза закрыты. Под руками
Живая, тёплая печаль
Отдавшей насилью ткани.
Но я не доктор Борменталь
И даже не Мария Шелли.
О палаче иль акушере
Речь не идёт. Гончар – тире –
Гончар и есть. Он только руки.
Он существует только в круге
Вертящемся. И в букваре
Не ходит дальше хмурой Буки.
Ему не нужен властный Ведь,
Не говоря уж о Глаголе.
Круг будет гнать, дышать, вертеть
Гончар, послушен низшей воле
Ножного привода. Гончар,
Как нелюбимый, но влюблённый,
Посредством примитивных чар
Вторгается в тугой, укромный,
Ещё насмешливый комок,
И тот, за кругом круг, помалу,
Доверившись его обману,
Преображается в горшок.
Движеньё лески – завтра в пещь
Горшок отправится, как отрок.
И станет – Космос, то есть Вещь,
Полезная для злых и добрых

[Барскова 2001: 90].

Начало стихотворения («Душа хотела б быть горшком») – отсылка к тексту Ф. Тютчева: «Душа хотела б быть звездой» [Тютчев 2002: 115]. Насколько важно для олимпиадного анализа в данном случае помнить текст-предшественник? В стихотворении Ф. Тютчева интересен парадоксальный поворот: душа хочет быть звездой не ночью, а днем (когда звезды в лучах солнца, «как божества, горят светлей / В эфире чистом и незримом» [Там же]). Высо-

кий пафос тютчевского произведения первой строкой стихотворения П. Барсковой демонстративно снимается («звезда» и «горшок» принадлежат к противоположным стилевым регистрам художественной речи) – но этот контраст «поэтического» и «бытового» школьники отлично чувствуют и безотносительно к оставшейся в подтексте тютчевской «звезде» – вполне достаточно контраста «души» и «горшка». Потенциально востребованным в анализе стихотворения П. Барсковой могло бы оказаться упоминание Ф. Тютчевым «божества» – гончар из «Счастья» выступает как раз в роли творца (или даже Творца, из «первоматерии» – глины – созидающего новые сущности). Но при внимательном рассмотрении ясно видно, что в стихотворении Ф. Тютчева «божество» выступает лишь в роли фигуры речи: это средство сравнения при другом объекте – звезде, а именно звезда и изъята П. Барсковой из цитаты. Разумеется, любое знание текстов-предшественников не бывает в анализе лишним или бесполезным, а уместная апелляция к ним всегда обогащает работу (и добавляет очки за историко-литературную эрудицию). Но и незнание цитаты в данном случае не становится фатальным: стилевое столкновение «души» и «горшка», обыгрываемое П. Барсковой в начале стихотворения, отчетливо ощущается читателем и вне конкретных поэтических претекстов – на уровне языка.

Значительно более важным становится умение увидеть в тексте современного поэта «ремейк» пушкинского «Пророка» – хотя никаких прямых отсылок к Пушкину в стихотворении П. Барсковой как раз нет. Однако сам сюжет преобразования (простого смертного в пророка или куска кроваво-бурой глины в горшок), необходимость в этом преобразении пройти через смерть или отказ от себя прошлого («Как труп, в пустыне я лежал» у Пушкина – и упоминания о колесе, дыбе и мясорубке, об «отдавшейся насилью ткани» в «Счастье»; губка, которую подносят к «рваной» и «мятой» глине, – деталь, запускающая вполне отчетливые библейские ассоциации), неразрывная связь в процессе творения Бога и поэта у Пушкина («Бога глас ко мне воззвал») и глины-души и гончара у П. Барсковой – все это позволяет говорить о «Пророке» как одном из возможных претекстов «Счастья». Важно

и появление в перечне старославянских букв у П. Барсковой Глагола – он вновь апофатически («не говоря уж о Глаголе») вводит тему Слова в историю сотворения Космоса («И станет Космос, то есть Вещь, / Полезная для злых и добрых» [Барскова 2001: 90]) и связывает стихотворения из разных эпох (о пушкинском «глаголом жги сердца людей» напоминать, наверное, излишне). Множественность точечных пересечений (на уровне лексики, предметной детализации, символических коннотаций) – если она замечена и учтена в аналитической работе участником олимпиады – позволяет расставить в интерпретации стихотворения П. Барсковой важные смысловые акценты: это единство Творца и творения (чтобы глина обрела форму горшка, гончар должен постоянно вращать гончарный круг – остановка же вернет незаконченную вещь в аморфное состояние, превратит снова в кусок глины), это обретение – через мучительное преобразование – подлинного назначения, а с ним – счастья сотворенного бытия, которое вряд ли достижимо без боли и страдания.

В то же время в стихотворении П. Барсковой значимы и индивидуальные, оригинальные семантические повороты. Так, образ гончара явно амбивалентен: гончар – Творец, но действует он в строго ограниченном пространстве («Он существует только в круге / Вертящемся») и парадоксальным образом оказывается «послушен низшей воле / Ножного привода» [Барскова 2001: 90]. В лучших олимпиадных работах заключительного этапа 2019 года эта особенность была подмечена: гончар – Бог или тот, кто воплощает его волю? Соседство «первоматерии» – глины, из которой Бог сотворил человека, – с разнообразными метонимическими проявлениями Слова («тире», «букварь», «Буки», «Веди», «Глагол», список исключений: «гнать, дышать, вертеть») может быть осмыслено как указание на сближение или, может быть, равенство гончара и поэта: магией творчества (даже если ее обозначить как «примитивные чары») из хаоса созидается Космос.

Спектр возможных поэтических ассоциаций, разумеется, может оказаться существенно шире. Школьники вспоминали на олимпиаде и М. Цветаеву с ее «Кто создан из камня, кто создан из глины...», и «Натюрморт»

И. Бродского, и «Чертополох» Н. Заболоцкого (в связи с «образом мироздания»); для кого-то важнее были лексические совпадения (сравним: «...вещь, / Полезная для злых и добрых» у П. Барсковой и «Вещи приятней. В них нет ни зла, ни добра» у И. Бродского [Бродский 1994: 271]), для кого-то – выстроенная поэтами картина мира. М. Л. Гаспаров в «Записях и выписках» отмечал: «Что достаточно для выявления подтекста? Чтобы совпадали две точки: слово и слово, слово и ритм и пр. Через две точки уже можно провести одну прямую – и, впрочем, очень много кривых» [Гаспаров 2000: 395]. При этом в удачных, сильных олимпиадных работах выявление подтекста (отсылки к другим текстам) никогда не бывает самоцелью – оно нужно в анализе только тогда, когда позволяет высветить ту или иную смысловую грань разбираемого произведения.

Разумеется, умение видеть подтексты и контексты нужно тренировать. На литературно-олимпиадных сменах в образовательном центре «Сириус» (г. Сочи) мы анализировали стихотворения Алексея Цветкова «опыт конца света» (2019) и Владимира Гандельсмана «С утра, чуть рассвело, я у подножья...» (2018). Оптимальным путем работы с первым произведением оказался мозговой штурм: разбившись на небольшие группы по 4–5 человек, стажеры «Сириуса» предлагали свои варианты прочтения, достраивали или корректировали те версии, которые были представлены для коллективного обсуждения. Стихотворение В. Гандельсмана было дано на пробном аналитическом туре для самостоятельной работы – и вызвало немалый интерес у школьников.

Итак, какие принципы работы с поэтическим текстом можно показать старшеклассникам на примере стихотворения «опыт конца света»?

лучи заката били точно в сад
меж тёмных крон с артритными узлами
когда он был от нас внезапно взят
но мы об этом ничего не знали

мы там в саду играли в казаков-
разбойников в разводах глины лица
освобождая космос из оков
и в грунт копытами вбивая фрица

на брата брат налаживал кинжал
орал сержант ломовики потели
я там убитый кажется лежал
должны же в гарнизоне быть потери

игра игрой но он был взят от нас
притворно верить было бы нечестно
и свет над садом безнадежно гас
поскольку в нём его нужда исчезла

развеществлялась глина под пятой
стволы бледнели сбилась в пар погода
и вся реальность становилась той
какой ей быть после его ухода

гадать без пользы что его взяло
о тщетном мысли отгоняю прочь я
нас в наступленье поднимало зло
но в нём оно лишилось средоточья

мы даже не погибли в ту войну
всех по стеклу мороз размыл как сало
мы вместе жизнь не сдюжили одну
нас просто было а теперь не стало

[Цветков 2019: 41]

Пространственно-временные координаты изображаемых событий заданы уже в первом стихе: сад и вечер (закат). Вторая строфа вводит, как поначалу кажется, в сами события – игру в казаков-разбойников (благодаря чему у «сада» актуализируется неназываемая, «невидимая» коннотация – детский сад с мальчишеской игрой в «войнушку»). В этой игре есть вполне объяснимые роли: условные «наши» и «фрицы», есть «понарошку» убитые («должны же в гарнизоне быть потери»), и даже лексика начального стиха – «лучи... били точно в сад» – приобретает «артиллерийские» коннотации. Однако в стихотворении присутствует еще одна фигура, которая отчетливо отделена от «мы» и «я» – неназванный «он». «Он» оказывается во власти какой-то обезличенной силы («он был от нас внезапно взят», «гадать без пользы что его взяло») – и при этом у «него» иная, нежели у остальных, миссия: «нас в наступленье поднимало зло / но в нем оно лишилось средоточья». Если представить, что слово «Он» («Его», «в Нем») написано с заглав-

ной буквы¹, то и событийный ряд, и художественное пространство стихотворения резко изменят свой характер. Очевидно, что «сад» тогда будет требовать других определений: первое – Гефсиманский сад, откуда ночью Он был «внезапно взят», и второе – возможно – райский сад, который навсегда утрачен человеком («нами»).

Перевод сюжета в мифологический план позволяет по-новому соотнести друг с другом ключевые слова: глина из элемента игровой маскировки («в разводах глины лица») становится «первоматерией», из которой создан первый человек, и она развеществляется, обращаясь в прах, – таков путь всех смертных; строчка «на брата брат налаживал кинжал» теперь будет читаться как синопсис истории Каина и Авеля; но прежде, разумеется, состоялось отделение света от тьмы. Однако райский сад проступает лишь как отдаленное воспоминание сквозь иные картины – трагические, исполненные отчаяния. «Артритные узлы» под темными кронами легко прочтываются как указание на древние оливы Гефсиманского сада, где Иисус совершает свое моление о чаше и откуда его забирают стражники. Понятно, что и в «казаках-разбойниках» смысловой акцент теперь приходится на приложение – у разбойников вполне могли быть конкретные имена (например, Гестас, Дисмас и Варрава). Реальность, из которой изъят «Он», – это мир без света, без надежд и без будущего. Никакой подлинности жизни в нем нет; его населяют словно бы призраки – они не могут погибнуть, потому что никогда не были живыми.

Эсхатологические мотивы в финале стихотворения звучат вполне отчетливо – и возвращают читателя к заглавию: «опыт конца света». Из физического эксперимента по «остановке» света «опыт» становится пережитым откровением, осознанием подчиненности человека безличной и безразличной к нему воле. «Всех по стеклу мороз размыл как сало» – это опыт победы энтропии над энергией жизни. Тьмы над светом.

Стихотворение «опыт конца света» явно перекликается с другим текстом А. Цветкова – «однажды солнце село навсегда...»². Сближает оба произведения не только заданная исходная ситуация – «конец света» и пришествие тьмы, но и мотив фальшивой, ненастоящей, несостоявшейся жизни, которая то ли была, то ли нет. В «однажды солнце село навсегда...» живые внезапно обнаруживают себя мертвыми («нам объявил... / что жизнь прошла что мы теперь мертвы» [Цветков 2015: 275]) – и начинавшееся занятым недоразумением стихотворение тоже завершается переводом лирического повествования в мифологический план: «и стало жалко тратить пот и труд / и стало слышно в тихом плеске леты / как маленькие детские скелеты / в песочнице совочками скребут» [Там же]. В процессе работы над стихотворениями можно показать старшеклассникам очень значимую особенность современной лирики в целом: прямой предметный план включает в себя слова-сигналы, указывающие на литературные, культурные, мифологические подтексты – и в результате эмпирически правдоподобные ситуации (такие, например, как детская игра в «войнушку») обретают двойную «кодировку» – и могут прочитываться как современные парафразы библейских притч, античных мифов, важнейших прецедентных текстов мировой литературы.

Наконец, на примере стихотворения В. Гандельсмана можно показать, как кажущееся «пейзажным» описание (с рассветом, цветочками, колокольчиками, божьими коровками, муравьями и т. п.) обращается в метапоэтическую рефлексию – и становится размышлением о месте художника в мироздании.

С утра, чуть рассвело, я у подножья
цветка увидел крохотный обоз –
карминный с черной крапинкой – то божьей
коровке в насекомый храм брелось.
Чуть вздрагивали иногда надкрылья –
взлететь ли ей на праздничный простор
или вернуть крылатые усилья
обратно в шеститочечный узор?

¹ Полагаем, что применительно к текстам А. Цветкова это допущение правомерно: точно так же, как вместо прописных букв используются строчные в начале каждого стиха, вместо библейского «Он» при таком способе письма остается «он» – и читатель всего лишь пользуется возможностью мысленно эти заглавные буквы «восстановить».

² Подробный разбор этого стихотворения можно найти в статье «Слова „живые“ и „мертвые“: о метапоэтической проблематике лирики Алексея Цветкова» [Кучина, Бокарев 2013].

Цвел колокольчиков тончайший хор.
Кузнечик велимир, как бы калека
с клюками, приготовился лететь,
и усики подъял его коллега,
из листьев мари выглянув на треть.
Полз муравей, неутомимый левин,
плыл мотылек ганс христиан, цветы
целуя и не ведая беды, –
к заутрене, на маленький молебен
во славу их праматери – Воды.
На поле пассива, вдалеке от крова,
конь, и блистало тело вороного,
как черные китайские шелка:
взглянуть – и миг зажмуриться, и снова
взглянуть, но так, чтоб дрогнула строка.
Из полевой необозримой шири
я в лес забрел, где чудилось мне
то зинь, то фью, то сип, то цири-цири...
И там остановился в полутьме.
Великое событие оленей
шло меж деревьев, бережно косясь.
Их ласковое пламенное племя
несло рогов изысканную вязь.
За ними шел поэт в пижамной паре
и бормотал сквозь круглые очки
одический рефрен о божьей твари.
День угасал, но вечер был в ударе,
и что ни шаг взрывались светлячки

[Гандельсман 2018].

Стажеры «Сириуса», выбравшие это стихотворение для целостного анализа на пробном туре, сразу выделили важнейшие особенности авторской картины мира – вот лишь несколько небольших фрагментов из разных детских работ:

– Стихотворение Гандельсмана выстраивает перед нами картину своеобразного литературного рая.

– Повествование, охватившее целый день с раннего утра, оканчивается открыто, но безусловно счастливо: герой продолжает свой путь по райскому краю, где нет ни бед, ни опасностей, а только сладость созерцания.

– Ода природе становится стихотворением о вдохновении.

Представляется, что в этих формулировках схвачены самые существенные особенности поэтики стихотворения: гармоничное сосуществование всех божьих тварей (неслучайно одной из первых в стихотворении появляется

божья коровка) – от мала до велика, от муравья до «великого события оленей», от цветка до леса; природа как храм (с рассветом-заутреней, молебном во славу «праматери Воды» – и не так уж важно, что «языческое» шествие приходит на как будто бы христианскую заутреню); соотнесенность природных объектов с творческим усилием человека (показательно, что описание коня завершается упоминанием о «дрогнувшей строке» – в этой вселенной все удивляет и радует поэта).

Школьники обратили внимание и на тотальную «литературность» изображаемой природы – с отсылками к великим поэтам и сказочникам. Приведем еще одну цитату из работы старшеклассницы: «Любопытно, что каждое из имён собственных не просто отдано насекомым, но и написано со строчной буквы. Это может объясняться сводом каждого из них практически в нарицательное, обращением их в архетипы: каждый кузнечик – тот кузнечик, которого описал Велимир Хлебников; каждый мотылёк – мотылёк Андерсена. Это тесная связь культуры и природы» (речевое оформление оригинала сохранено). Поэзия действительно словно бы растворена в пейзаже, а кузнечики запросто могут прыгать со страниц книг в зеленую траву и возвращаться в стихи В. Хлебникова обратно.

Отметили стажеры литературно-олимпиадной смены и особенности субъектной структуры стихотворения. Лирическое «я» появляется уже в первой строке стихотворения – но показательно, что стоит местоимение рядом с глаголом «увидел» (а в середине стихотворения появится еще один глагол восприятия – «чудилось мне»), и «я» тем самым реализуется в роли наблюдателя, созерцателя. Из 185 слов в стихотворении «я» используется всего два раза (и один раз форма «мне»); субъект лирического высказывания словно бы становится «человеком-невидимкой», добровольно отказывается от собственной личности. Нам ничего о нем не известно – зато все, что открылось его глазу, попадает и в поле зрения читателя.

Ракурс, с которого в стихотворении В. Гандельсмана дан пейзаж, заслуживает отдельного рассмотрения. Начальная строка формирует вполне отчетливое читательское ожидание: если «я у подножья» – то, вероятнее всего,

горы или хотя бы холма, и картина, которая вот-вот откроется, будет масштабна. Однако второй строкой вводится совсем другое изображение: подножие цветка, а следом – божья коровка, муравей, кузнечик, колокольчики, и разглядывать их удобнее, если зритель ростом не больше Дюймовочки. Во второй части стихотворения наблюдатель словно бы добирается в габаритах (он уже забредает в лес и видит оленей и их «рогов изысканную вязь» – значит, смотрит точно не с земли) – но теперь то ли преобразается сам – из наблюдателя в творца, воздающего хвалу божественному творению / божьим тварям, то ли видит своего двойника: «за ними шел поэт в пижамной паре». Стажеры предлагали разные интерпретационные версии этого явления поэта:

– рассказчик-наблюдатель становится «видимым» для читателя – вот он, в пижамной паре и круглых очках, сочиняет «одический рефрен» (и тогда в фигуре поэта про скальзывают черты Н. Заболоцкого);

– читатель понимает, что на протяжении стихотворения он видел сон поэта (и «пижамная пара» на это намекает) – и в этом сне поэт смотрит на себя самого;

– в отдельных работах делался акцент на характере изображения поэта: «Праздник природы, созданный для человека, прекрас-

ные божьи твари, и почти карикатурный их создатель, продолжающий творение прямо здесь и сейчас».

Последнее замечание (приведен фрагмент из работы стажера) представляется весьма интересным: «одический рефрен» отдан немножко нелепому, смешному поэту – и Творцу, и божьей твари одновременно.

Стихотворение В. Гандельсмана следует мифу о сотворении мира: в нем соединяются божественное, природное и человеческое (и воспроизведен один день творения, начинающийся ранним утром и заканчивающийся поздним вечером), а поэту дарована способность акт творения воспроизвести в Слове.

Подведем итоги. Все рассмотренные стихотворения требуют в анализе внимания к субъектной структуре лирического текста и знания той системы категорий, в которой она может быть охарактеризована в современной филологии; учета способов репрезентации точки зрения субъекта лирического высказывания; умения «перекодировать» прямой, предметный план лирического повествования в символический; навыка читать произведение в контексте литературной и культурной традиции и понимать коннотации, возникающие благодаря системе интертекстуальных отсылок.

Литература

- Барскова, П. Ю. Счастье / П. Ю. Барскова // Звезда. – 2001. – № 3.
Бродский, И. А. Сочинения : в 4-х т. Т. 2 / И. А. Бродский ; сост. Г. Ф. Комаров. – СПб. : Издательство «Пушкинский фонд», 1994. – 479 с.
Гандельсман, В. А. С утра, чуть рассвело, я у подножья... / В. А. Гандельсман. – Текст : электронный // Интерпоэзия. – 2018. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/3/konkobezhecz.html>.
Гаспаров, М. Л. Записи и выписки / М. Л. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 2000. – 416 с.
Кучина, Т. Г. Слова «живые» и «мертвые»: о метапоэтической проблематике лирики Алексея Цветкова / Т. Г. Кучина, А. С. Бокарев // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1, №4. – С. 212–216.
Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма : в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849 / Ф. И. Тютчев. – М. : Издательский центр «Классика», 2002. – 528 с.
Цветков, А. П. Все это или это все. Собрание стихотворений : в 2-х т. Т. 1 / А. П. Цветков. – New York : Ailuros publishing, 2015.
Цветков, А. П. Опыт конца света / А. П. Цветков // Знамя. – 2019. – № 9.

References

- Barskova, P. Yu. (2001). Schast'e [Happiness]. In *Zvezda*. No. 3.
Brodsky, I. A. (1994). *Sochineniya: v 4-kh t.* [The Set of Works, in 4 vols.]. Vol. 2. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Pushkinskii fond». 479 p.
Gandel'sman, V. A. (2018). S utra, chut' rassvelo, ya u podnozh'ya... [In the Morning, a Little Dawn, I Am at the Foot...]. In *Interpoeziya*. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/3/konkobezhecz.html>.
Gasparov, M. L. (2000). *Zapisi i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p.
Kuchina, T. G., Bokarev, A. S. (2013) Slova «zhivye» i «mertvye»: o metapoeticheskoj problematike liriki Alekseja Tsvetkova [“Live” and “Dead” Words: Metapoetics of Alexey Tsvetkov's Lyrics]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. Vol. 1. No. 4, pp. 212–216.

Кучина Т. Г. Современная русская поэзия в олимпиадных заданиях по литературе

Tsvetkov, A. P. (2015). *Vse eto ili eto vse. Sbranie stihotvorenii: v 2-kh t.* [All of That or That's All. The Collection of Poems, in 2 vols.]. Vol. 1. New York, Ailuros publishing.

Tsvetkov, A. P. (2019). Опыт kontsa sveta [The Experience of the End of the World]. In *Znamiya*. No. 9.

Tyutchev, F. I. (2002). *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 6 t.* [The Complete Set of Works. The Letters, in 6 vols.]. Vol. 1. *Stikhotvoreniya, 1813–1849*. Moscow, Izdatei'skii tsentr «Klassika». 528 p.

Данные об авторе

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: tgkuchina@mail.ru.

Author's information

Kuchina Tatiana Gennad'evna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

Дата поступления: 10.06.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 10.06.2021; date of publication: 30.06.2021